ART & CULT
АРТИКУЛЬТ
ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИИ ИСКУССТВА РГГУ
научный электронный журнал

ISSN 2227-6165

DOI: 10.28995/2227-6165-2018-4-6-29

С.Ю. Штейн
кандидат искусствоведения,
доцент кафедры кино и современного искусства факультета истории искусства РГГУ,
и.о. зав. кафедрой режиссуры кино, телевидения и мультимедиа
Института кино и телевидения (ГИТР)
sergey@schtein.ru

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ВЫЯВЛЕНИЮ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

Статья посвящена описанию объект-предметных отношений, имеющих два принципиально разных значения – философское и методологическое, которые не всегда являются очевидными для не специалистов в методологии и теории познания. В связке с данными терминами возникает необходимость в актуализации таких терминов как объектная область и предметная область. Полученное корректное понимание «связок» терминов объект-предмет и объектная область-предметная область, а также их применение к условностям искусствоведения как специфической дисциплинарной предметности, позволяет артикулировать ключевые методологические аспекты, связанные с дисциплинарной идентичностью существующей «науки об искусстве». Сделанные построения по сути оказываются первичной фундаментальной методологической базой для дисциплинарной идентификации различных обособленных направлений искусствоведческих исследований и могут быть использованы как в самих искусствоведческих исследованиях, так и в условиях ведения образовательных программ, связанных с изучением искусства.

Ключевые слова: искусствоведение, методология искусствоведения, теория искусства, наука об искусстве, науковедение, теория познания, дисциплинарная идентичность, междисциплинарные исследования, объект исследования, предмет исследования, объектная область, предметная область

The article is devoted to the description of object-thing relations, which have two on principle different meanings - philosophical and methodological, which are not always obvious to non-specialists in methodology and theory of cognition. In binding with these terms, there is a need to actualization such terms as the object area and the thing area. The resulting correct understanding of the “bundles” of the terms object-thing and object area-thing area, as well as their application to the conventions of art studies as a specific disciplinary thing, allows articulating the key methodological aspects related to the disciplinary identity of the existing “science of art”. The constructions made are in fact the primary fundamental methodological base for the disciplinary identification of various isolated directions of art studies researches and can be used both in art studies researches itself and in the conditions of conducting educational programs connected to the study of art.

Keywords: art studies, methodology of art studies, art theory, the science of art, science studies, theory of cognition, disciplinary identity, interdisciplinary researches, object of research, thing of research, object area, thing area

Одним из важных компонентов научно-исследовательской деятельности является точное и корректное определение объект-предметных отношений, которое задаёт исходную логику будущему исследованию. Однако их понимание зачастую оказывается весьма затруднительным для не специалистов в методологии и теории познания. Возможными причинами этого являются, во-первых, дуализм терминов объект и предмет, зависящий от ситуационных условий их использования, а, во-вторых, отсутствие определённой традиции актуализации данного дуализма вне специфического методологического и философского контекста, например, в условиях

© Штейн С.Ю., 2018

ISSN 2227-6165

реализации познавательной активности в той или иной конкретной дисциплинарной предметности.

Однако и в философии, и в методологии описание объект-предметных отношений несколько противоречиво и зачастую трансформируется, исходя из той позиции, которую занимает говорящий о них, и той цели, которую он при этом ставит. В связи с этим возникает необходимость прояснения того, что стоит за терминами объект и предмет – однозначная договорённость о них – их непротиворечивое представление в той полноте, которая необходима для того, чтобы осознанно и корректно их использовать в научно-исследовательской деятельности в условиях той или иной конкретной дисциплинарной предметности, в нашем случае – в условиях искусствоведения.

В то же время с данными терминами неразрывно связаны и более общие понятия – объектная область и предметная область, понимание которых, а точнее – договорённость о которых, является необходимым как для корректного использования самих терминов объект и предмет, так и для определения той познавательной идентичности, которая формируется в условиях реализации познавательной активности. Для любой научной дисциплины точное определение её предметной области обуславливает понимание специфики познавательной деятельности, реализуемой в её условиях, что выражается через фиксацию онтологической схемы данной предметной области, задающей характер конкретной дисциплинарной идентичности. Для исследователей-искусствоведов понимание всех этих исходных методологических нюансов является чрезвычайно важным, во-первых, для корректного ведения собственной научно-исследовательской деятельности, которая зачастую обрушивается в дискурсивность, в условиях которой продуцируется не заместительное знание в отношении познаваемого, а такое представление, которое выражает частную или коллективную субъективную точку зрения на него, а, во-вторых, для сохранения дисциплинарной идентичности самого искусствоведения как обособленной области гуманитарной науки.

Проведя с использованием генетически-конструктивного подхода самое общее описание объект-предметных отношений в философском и методологическом значениях (абстрагируясь при этом от истории вопроса и специфических дискуссий по этому поводу, зачастую переходящих в лингвистическую плоскость, ведь, например, в английском языке даже слову «предмет» в противопоставлении слову «объект» нет адекватного эквивалента), и актуализируя связанные с ними термины объектная область и предметная область, что приведёт к необходимости проблематизировать возможность продуктивной реализации для дисциплинарной идентичности междисциплинарных исследований, сформулируем основные методологические замечания, касаемые определения дисциплинарной идентичности искусствоведения.

1. Философское значение объект-предметных отношений

Человек находится в мире объектов и сам является объектом. Для удобства, всю совокупность существующих объектов допустимо определить как *объектную область*, которая может быть рассмотрена на трёх принципиальных масштабах: самом общем, в котором объекты образуют всю имманентную человеку данность, избранном – осознанно усечённом по тому или иному принципу для реализации той или иной цели, и минимальном – соответствующем ситуации, в которой находится конкретный субъект (человек) в актуальный момент времени, ограничивая объектную область возможностью её непосредственного восприятия элементами своей сенсорной системы (*рис. 1*).

Если объект независим от человека, то предмета вне познавательной активности субъекта не существует. Предмет – это всегда продукт познавательной активности субъекта. А так как познание обусловлено такими инструментами как *предметоформирующая позиция* – определенная ориентация по отношению к познаваемому, *средства* – с помощью чего возможно получение

ISSN 2227-6165

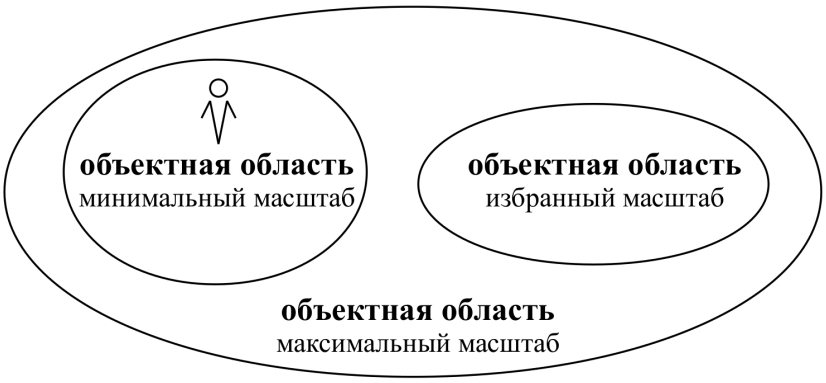

Рис. 1

субъектом данных о предмете и манипулирование ими, *подходы* – разнохарактерные «пристройки», определяющие общую специфику рассмотрения познаваемого, а также *методы* – специфические процедуры, определяющие каким образом осуществляется непосредственное действие субъекта с познаваемым, то предмет всегда в той степени не соответствует объекту, в которой все эти познавательные инструменты искажают его. Данное несоответствие может быть представлено через то, что в предмете, кроме того, что соответствует объекту, в отношении которого велась познавательная активность – назовём это реальной частью предмета (real), всегда присутствует то, что является результатом искажающего действия познавательной активности – обозначим это фантомной частью предмета (fantom). Принцип же отношения между реально наличествующим и формируемым условностями познавательной активности определяется через *онтологическую схему* данного предмета (заметим здесь, что онтологическая схема, по сути оставаясь одним и тем же – попыткой схватывания сущности чего-то конкретного, в отношении разного материала приобретает несколько специфическое значение: в отношении природных объектов – моделирование представления об имманентной данности, исходя из тех условий и допущений, которые полагались в основу получения, манипулирования и выражения информации о них, в отношении человеческой деятельности, не связанной с психофизическими аспектами – фиксация компонентов, определяющих специфику конкретной целостности (деятельности, продукта деятельности) по отношению к чему-либо иному, в отношении предметных областей – выражение принципов отношения между реально наличествующим и формируемым условностями познавательной активности). Все эти аспекты в достаточной полноте отражают философское значение объект-предметных отношений, в условиях которых возникает своеобразное деление познавательной активности субъекта на два условных уровня – «нижний» и «верхний» (*рис. 2*).

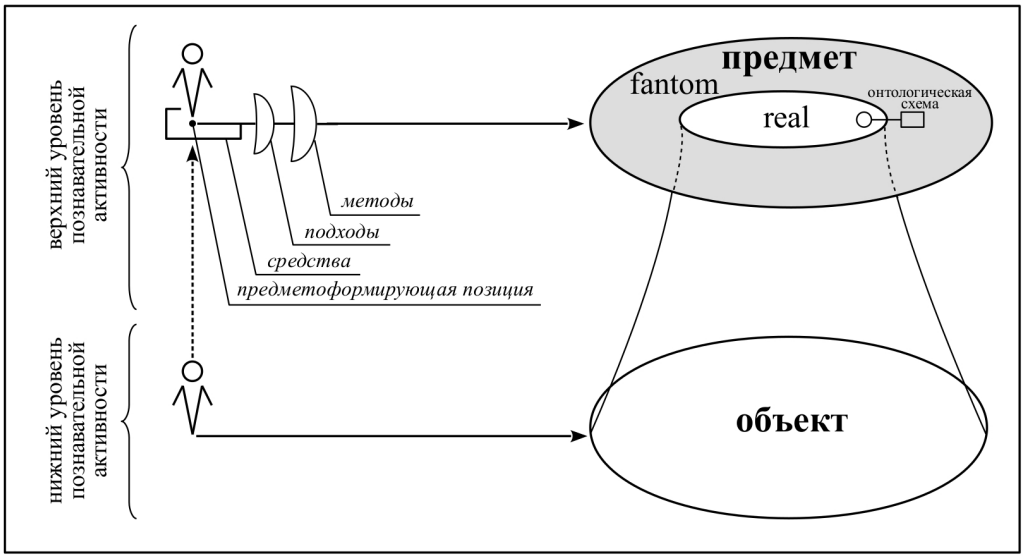

Рис. 2

В отношении одного и того же объекта может быть сформировано определённое множество предметов, каждый из которых будет выражать не столько реальное знание о нём, сколько указывать на специфику конкретной точки зрения на объект и того набора познавательных инструментов, которые использовались при его формировании, что, собственно, и фиксируется через разность онтологических схем этих предметов (*рис. 3*).

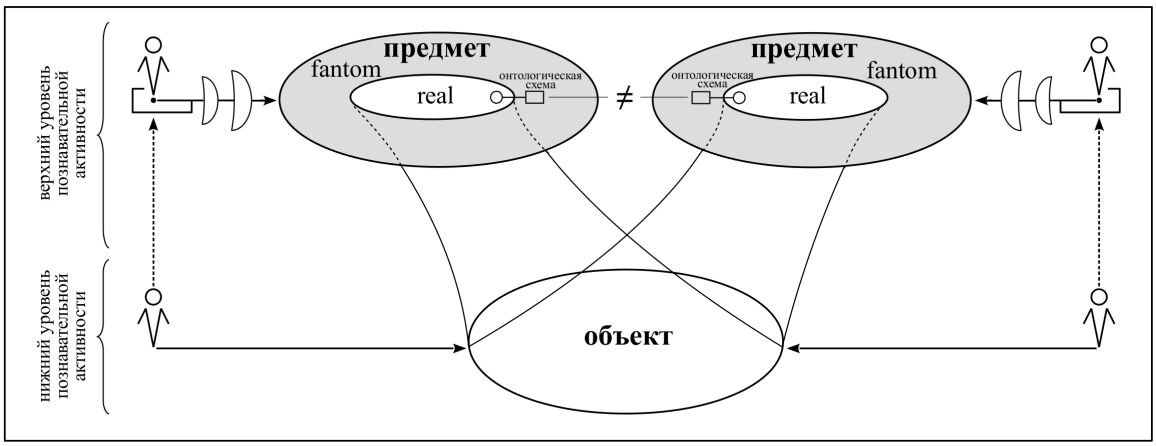

Рис. 3

Для удобства моделирования и сопоставления онтологических схем можно выделить их своеобразное ДНК – устойчивый набор компонентов, наличествующий в любой онтологической схеме и получающий конкретизацию в связи с уникальностью каждой из схем. Таких компонентов может быть выделено три: во-первых – это *материал* – то, что так или иначе наличествует и может схватываться познавательной активностью, во-вторых – это *условности познавательной активности*, и, в-третьих, – это *основное условие связи*, соединяющее материал и условности познавательной активности. В качестве дополнительного – четвёртого компонента, не столько определяющего уникальность предмета, сколько характеризующего возможности и специфику познавательной активности в данных исходных условиях, может быть определена *вариативность познавательной активности*, являющаяся, с одной стороны, ответвлением от второго компонента, а с другой – тем, что неразрывно срастается с ним (*рис. 4*).

Рис. 4

Так как человек не может абстрагироваться от своего социального опыта и по сути является своеобразным социокультурным продуктом – большая часть представлений человека об окружающей его данности получена им опосредованно, через вменённые ему и воспринятые им знания о мироустройстве, то его собственная познавательная активность (по крайней мере до того момента, пока она не будет осознана им самим как субъективная и в связи с этим проблематизирована) не может быть независимой от имеющегося знания, а, значит, и от тех предметов, в которых реально наличествующему соответствует лишь какая-то их часть. Таким образом, допустимо утверждать, что кроме объектной области существует *предметная область* – образуемый совокупностью знаниевых представлений образ объектной области, обуславливающий условия для реализации субъектом познавательной активности.

ISSN 2227-6165

ISSN 2227-6165

Из этого следует, что в большинстве случаев человек изначально реализует свою познавательную деятельность не в отношении противостоящего ему объекта, этой своею активностью задавая онтологическую схему формируемого на его основе предмета, но в отношении того, что уже находится в какой-то предметной области и, следовательно, соответствует тем исходным условностям, которые лежат в её основе и выражаются в её собственной онтологической схеме. То есть объект в этом случае по сути уже не объект, а предмет, но субъектом он воспринимается именно как объект – то, что объективно наличествует, и что им вторично искажается в результате реализации уже его собственной познавательной активности. Таким образом, происходит вторичное искажение познаваемого, что может быть схематически представлено через добавление промежуточного – «среднего» уровня познавательной активности, связанного с непроблематизируемым субъектом наличием предметной области (*рис. 5*). А в связи с тем, что один и тот же объект может оказаться в границах различных предметных областей, то, следовательно, возникает вариативность их интерпретаций различными субъектами, фокусирующимися на них, находясь на «среднем» уровне познавательной активности (*рис. 6*).

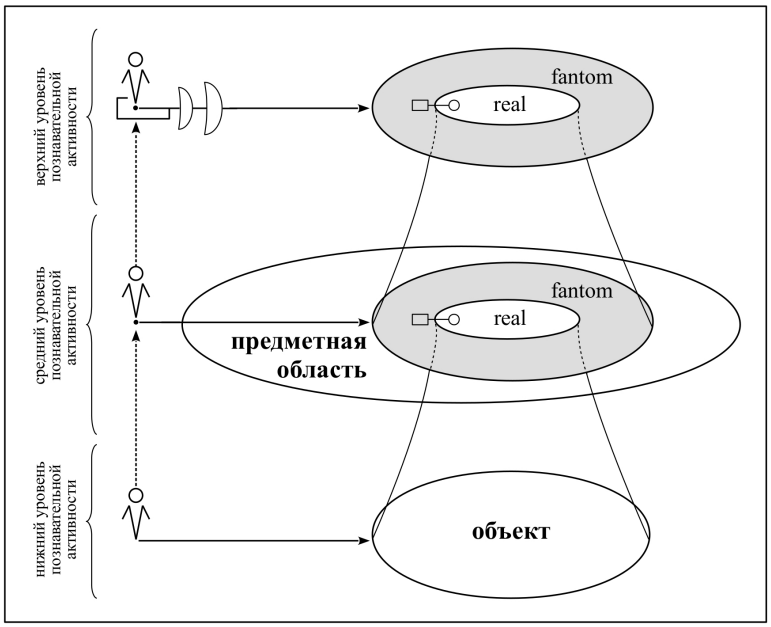

Рис. 5

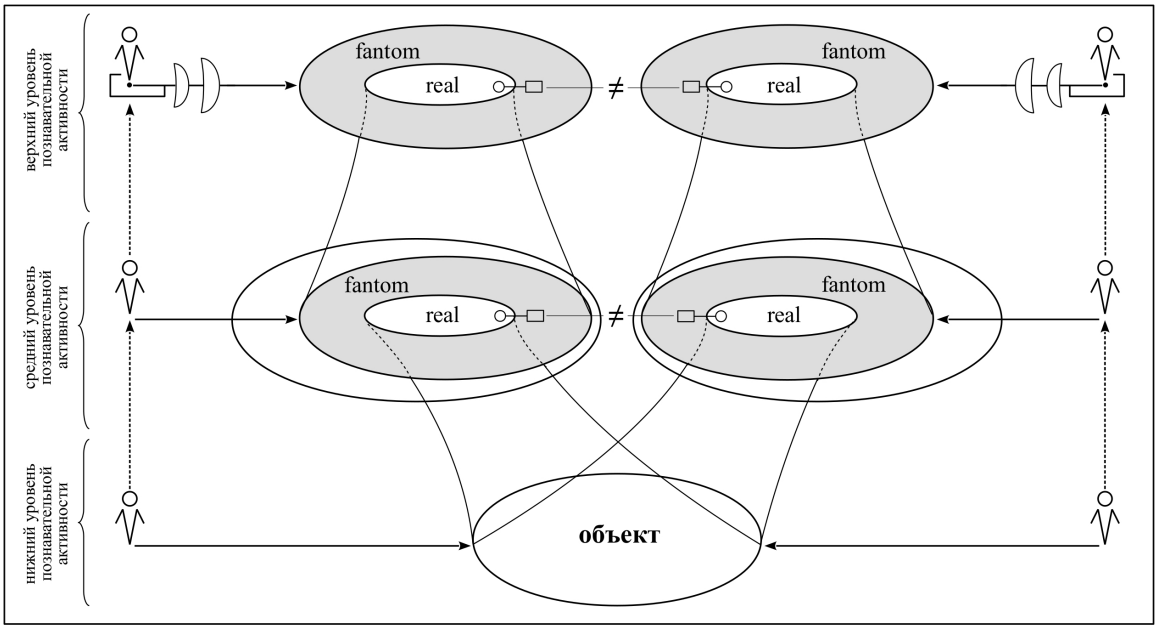

Рис. 6

ISSN 2227-6165

В то же время, точно так же, как и объектная область, предметная область может быть рассмотрена на разных масштабах – в данном случае, на минимальном и избранном масштабе, соответствующем устойчивым познавательным ситуациям, а на максимальном масштабе – мировоззренческим установкам, формирующим своеобразные «картины мира».

Принципиальных устойчивых познавательных ситуаций может быть выделено четыре (подробнее об этом см.: [Логика визуальных репрезентаций..., 2018, с. 229-252]):

– *индивидуальная*, в которой характер познавательной активности полностью обусловлен частным, зачастую сиюминутным познавательным запросом субъекта, а функция получаемого знания может быть любой, но первично – связанная с необходимостью в ней самого субъекта, поэтому в данном случае говорить о выделении какой-то устойчивой предметной области, как правило, не имеет смысла – масштаб познавательной активности субъекта находится на уровне предмета;

– *дискурсивная*, обусловленная устойчивой познавательной активностью совокупности субъектов в отношении одного и того же, при том, что характер данной активности связан с личностным началом субъектов, не столько пытающихся найти знаниевый эквивалент познаваемого, сколько выразить своё личное отношение к нему, поэтому функция продуцируемого в данной ситуации знания по сути может быть любой, но первично – так или иначе связанная с самим этим дискурсивным единством; в то же время общим коллективным фокусом интереса задаётся своеобразная предметная область, компоненты ДНК онтологической схемы которой могут иметь ту или иную степень вариативности, определяющую характер конкретного дискурсивного единства;

– *дисциплинарная*, связанная с жёстким определением функции продуцируемого знания – заместительной, или в крайнем случае – условно заместительной в отношении познаваемого, за которую дисциплинарное сообщество несёт социальную ответственность, вследствие чего онтологическая схема предметной области, соответствующей конкретной дисциплинарной предметности, если даже и не осознаётся самими субъектами, находящимися в данной дисциплинарной ситуации, однако, задаётся достаточно жёстко, ведь тем самым фиксируется та дисциплинарная идентичность, которая отделяет одно дисциплинарное единство от другого;

– *постдисциплинарная*, включающая в себя мульти- и трансдисциплинарную познавательные ситуации, по сути является ужесточением дисциплинарной познавательной ситуации, что выражается в попытке преодоления дисциплинарной раздробленности научного знания – утверждая в качестве единственно возможного научного знания какое-то одно из представлений, способное определять в качестве собственной предметной области всю объектную область на максимальном масштабе рассмотрения, таким образом утверждая её в качестве материала своей онтологической схемы.

Не вдаваясь в частности, можно зафиксировать наличие (по крайней мере на актуальный момент) трёх устойчивых надындивидуальных форм коллективных «картин мира», образование которых не может быть объяснено изначальным действием человека как единичного субъекта:

– *религиозной* – основанной на допущении наличия трансцендентного субстанционального начала, порождающего имманентную для человека действительность и тем или иным образом (непосредственно или опосредованно) открывающего себя человеку и, следовательно, при принятии её, характеризуемую как имеющую трансцендентную природу;

– *естественнонаучной* – основанной на допущении, что истинное знание имеет исключительно эмпирический характер, связанный с его опытным получением, подтверждением и возможностью верификации в любом месте в любое время, что исключает возможность существования в актуальный момент времени какого-либо иного знания, в качестве научного, что, следовательно, характеризует природу данной картины мира как физиологическую;

– *мифологической* – возможность выделения которой связана с дистанционным рассмотрением (например, с позиции религиозной или научной «картины мира») ряда ситуационных условий,

являющихся тотальными для общности единичных субъектов, в которых этими единичными субъектами нечто изначально ложное, формирующее их «картину мира», принимается за истинное, что характеризует природу данной картины мира как культурную.

Необходимо уточнить, что различные формы надындивидуальных коллективных «картин мира» задают не только определённые логические, понятийные и ситуативные рамки, в которые вписываются все существовавшие, существующие и формируемые знания, но также и иные – персонофицированные коллективные и индивидуальные «картины мира». Поэтому невозможно никакое знание вне надындивидуальных «картин мира». В качестве производных от надындивидуальных коллективных «картин мира» можно выделить, по крайней мере, две персонифицированные коллективные «картины мира» – псевдорелигиозную и философскую. Каждая из них реализуется в большом количестве вариантов, а особенность заключается в том, что их конкретные варианты, во-первых, возникают на основе или в качестве противопоставления себя конкретной надындивидуальной или всем надындивидуальным «картинам мира», во-вторых, изначально являются представлениями не коллективного, а единичного субъекта – конкретного человека.

Таким образом, «средний» уровень познавательный активности раскладывается на две части – уже обозначенную ранее – соответствующую той или иной конкретной непроблематизируемой субъектом предметной области, и находящуюся «под ней» – связанную с той мировоззренческой «картиной мира», в условиях которой находится субъект, и которой, в свою очередь, формируется специфическая для неё предметная область, оказывающаяся для этого субъекта непроблематизируемой данностью, тотально обуславливающей всю его познавательную активность, как на этом, так и на более «высоких» уровнях (*рис. 7*).

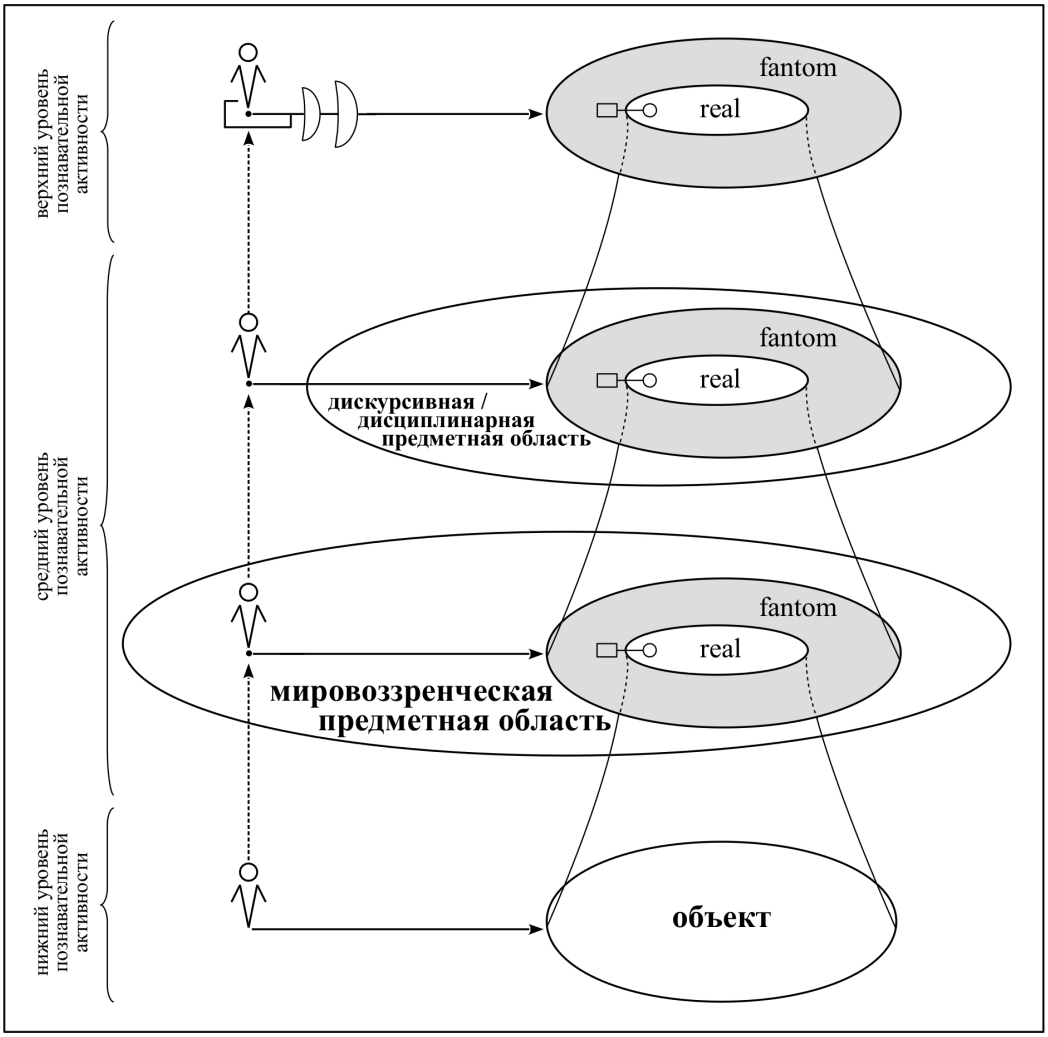

Рис. 7

ISSN 2227-6165

Однако необходимо отметить, что рассмотрение какого-либо объекта с различных мировоззренческих позиций не обязательно приводит к его изначальному непоправимому искажению на этом уровне – в реальной части предмета на верхней части «среднего» уровня вполне может оказаться нечто, что, пройдя через нижнюю часть «среднего» уровня, не подверглось трансформации и даже при дальнейшем вариативном рассмотрении может оставаться в реальной части предмета (*рис. 8*), что, собственно, и позволяет вести в отношении разнохарактерных представлений специальную методологическую работу, связанную с их распредмечиванием, в результате которого происходит выделение их онтологических схем, в которых в качестве материала не может оказаться ничего такого, что было бы невозможно для схватывания человеком при реализации им познавательной активности.

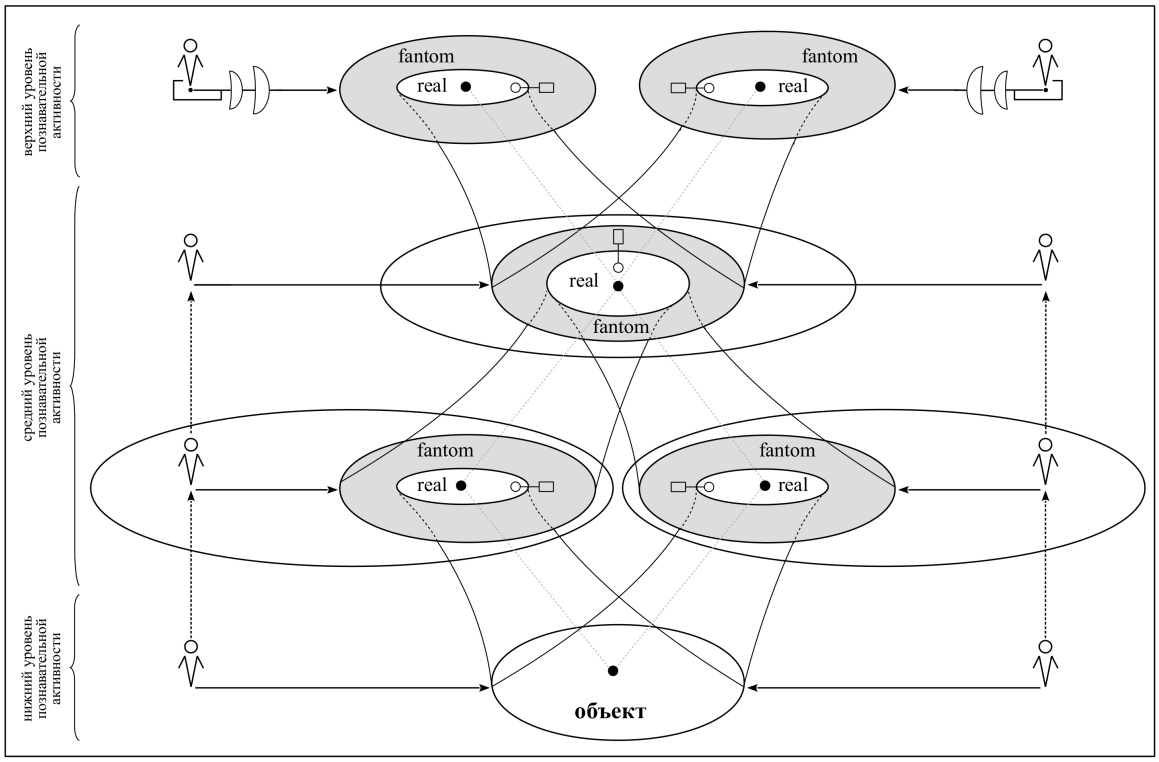

Рис. 8

2. Методологическое значение объект-предметных отношений

В условиях познавательной деятельности, а точнее – её нормирования и представления, особенно в дисциплинарной познавательной ситуации, когда необходимо фиксировать логику познавательной активности, в отсутствии иных терминов, термины объект и предмет получают несколько иное значение: *предмет* определяется в качестве того, что является непосредственно исследуемым, а *объект* – тем, аспектом чего исследуется предмет (классической ошибкой является указание объектом материала исследования – того, на основе чего исследуется предмет). Необходимость данной связки предмет-объект обусловлена тем, что один и тот же предмет может быть определён аспектом совершенно разных объектов, что будет характеризовать конкретику и специфику его исследования в тех или иных конкретных познавательных условиях.

Это может быть выражено схематически через указание на то, что один и тот же предмет может оказываться аспектом целого ряда обособленных друг от друга объектов (*рис. 9-a*), которые в то же время могут являться компонентами масштабно более общих объектов, при том, что один и тот же минимальный объект может оказываться в различных объектных группах (*рис. 9-b*), а сами эти масштабно более общие объекты – быть частью ещё более масштабного объекта (*рис. 9-c*). Разнообразие потенциальной масштабной сегментации объектов зависит от специфики исходно заданного предмета.

ISSN 2227-6165

ISSN 2227-6165

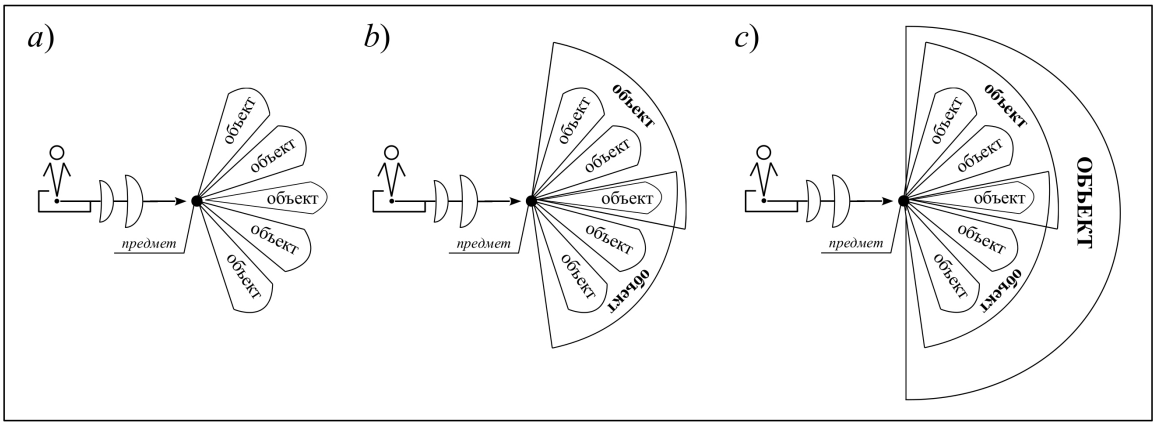

Рис. 9

Приведём характерный пример. Предмет (то, что определено для исследования) – функции детали в картине Брейгеля «Охотники на снегу». Возможные объекты, объединяемые в условную группу «функции детали в творчестве Брейгеля»: a) функции детали в картинах Брейгеля из цикла «Двенадцать месяцев», b) функции детали в пейзажах Брейгеля. Иные возможные объекты, не объединяемые в группы: функции детали в нидерландской пейзажной живописи 16 века, функции детали в иллюстрациях к часословам. Выделенная условная группа «функции детали в творчестве Брейгеля» и объект функции детали в нидерландской пейзажной живописи 16 века могут быть объединены в объект «нидерландская живопись 16 века» (*рис. 10*).

Рис. 10

Важным моментом при определении объект-предметных отношений в методологическом значении является точное соотнесение масштаба объекта по отношению к предмету – он может быть как минимальным, так и самым общим (*рис. 11*). В противном случае – при недостаточном масштабе отнесения объекта от предмета, может быть не совсем понятна конкретика их связки и даже самого принципа отделения предмета от объекта, а при чрезмерном удалении – вообще потеря смысла задаваемого отношения.

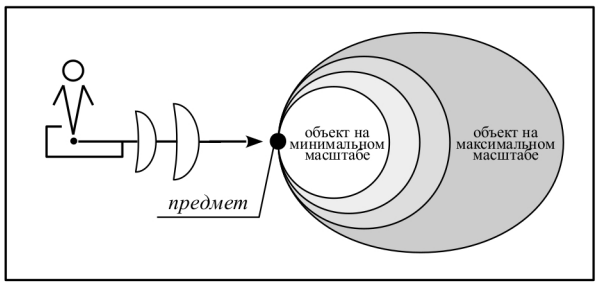

Рис. 11

Примерами масштабно увеличивающихся объектов по отношению к предмету «функции детали в картине Брейгеля “Охотники на снегу”» могут быть определены следующие объекты: функции детали в картинах Брейгеля из цикла «Двенадцать месяцев», функции детали в позднем творчестве Брейгеля, функции детали в творчестве Брейгеля, функции детали в нидерландской живописи 16 века, функции детали в нидерландской живописи (*рис. 12*).

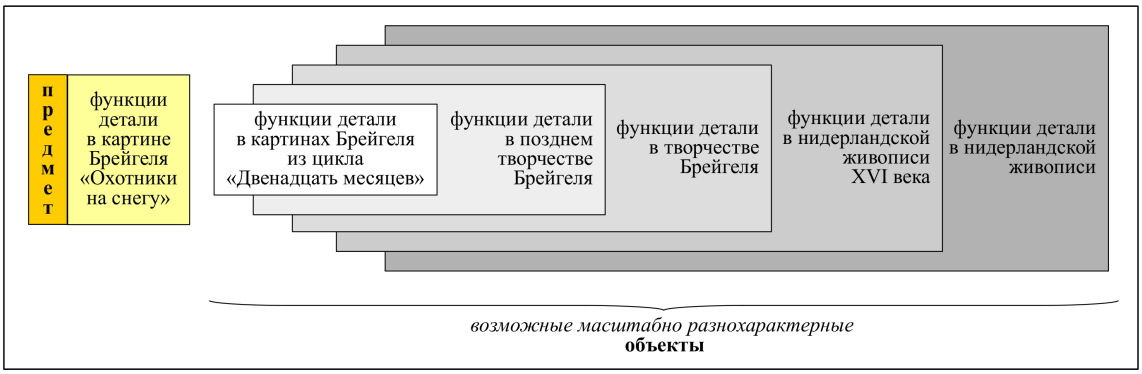

Рис. 12

Ещё одним специфическим моментом при определении объект-предметных отношений в методологическом значении является возможность более конкретизированного уточнения специфики исследования, чем то, которое может показаться очевидным, исходя из изначального определения объектов – определение уточнённого объекта может быть получено путём их синтезирования. Это наглядно видно на следующем примере: при предмете «функции детали в картине Брейгеля “Охотники на снегу”», вариантами самоочевидных объектов могут быть определены «функции детали в нидерландской живописи» и «функции детали в иллюстрациях к часословам», при синтезировании которых может быть получен следующий уточнённый объект – «функции компонента формосодержательной целостности живописного произведения, обусловленные спецификой конкретного жанра и/или стиля».

Функция определения предмета исследования в рассматриваемом терминологическом смысле – это фиксация того, что будет исследоваться. Поэтому здесь предмет не может задаваться (как в философском определении предмета), ведь исследоваться не может то, что отсутствует (распространённая ошибка в студенческих-ученических работах – это как раз и есть определение предметом того, что в цели указано в качестве того, что будет выявляться). И поэтому, когда нечто определяется в качестве предмета исследования, то изначально подразумевается и допускается, что это нечто объективно наличествует.

Как это возможно? Из-за использования (без проблематизации) натуралистического подхода к познанию, в котором задаваемая онтологическая схема познаваемого – будь то предмет, или предметная область, не только принимается в качестве данности, но и не выделяется в качестве таковой – принимается как наличествующее должное, объективно наличествующее, то есть как объект или объектная область (о чём подробно и шла речь выше при выделении и описании «среднего» уровня познавательной активности). Мы же получаем возможность фиксировать всё это, осуществляя переход от натуралистического к деятельностному подходу к познанию, в условиях которого познаваемым определяется сама познавательная деятельность, которую кто-либо или же сам исследователь ведёт в отношении исходного познаваемого, включая механизм формирования его онтологической схемы (подробнее об этом см.: [Щедровицкий, Методологический смысл..., 1995; Штейн, 2017, с. 7-9]). То есть по сути этим вводится разделение потенциальной познавательной активности человека на два принципиально разных «измерения» – *натуралистическое* и *деятельностное*.

В «измерении» натуралистического познания субъекту, являющемуся частью объектной области, противопоставляется объект (в философском значении), постижение которого происходит путём «восхождения» через условные уровни познавательной активности –

ISSN 2227-6165

ISSN 2227-6165

непроблематизируемые данности мировоззренческой предметной области и предметной области, обуславливающей специфику конкретной (дискурсивной/дисциплинарной) познавательной ситуации, в результате чего в отношении полученного предмета (в философском значении) реализуется уже непосредственное познавательное действие, продуктом которого и есть знание – то, что соотносится с предметом и в отсутствии иного знания может приниматься за его знаниевый заместитель, и, которое, будучи выражено, по сути является объективированной информацией (object of info), то есть тем, что приобретает объектную форму и оказывается частью объектной области.

В «измерении» деятельностного познания субъект, являющийся частью объектной области, осознавая невозможность постижения каких-либо объектов (в философском значении) вне условностей познавательной активности, но в то же время, имея необходимость в реализации познавательной деятельности, в качестве объекта определяет своеобразное уравнение с одним неизвестным, компонентами которого являются, во-первых, объектно выраженное знание о неком объекте, во-вторых, деятельность по получению этого знания, и, в-третьих, сам этот объект – искомое неизвестное. В результате распредмечивания имеющегося знания (а точнее – знаниевого представления, так как имеющееся принимается за знаниевый заместитель исключительно по причине отсутствия иного) и анализа познавательной деятельности по его получению, конструируется онтологическая схема объекта, в которой непосредственно ему, объекту, соответствует «материал», то есть реальная часть предмета (в философском значении). Приведённое описание развёртывания познавательной активности в «измерении» деятельностного познания в самом общем виде соответствует тому, что называется *рефлексивно-методологической работой* (подробнее об этом см.: [Щедровицкий, Дубровский, 1967; Щедровицкий, Принципы и общая..., 1995; Щедровицкий, О специфических характеристиках..., 1995]). Однако эта работа образует лишь один из двух «уровней» данного «измерения», вторым из которых является «уровень» *перманентной рефлексивно-методологической работы*, на котором делается попытка максимального расширения «материала» базовой онтологической схемы и приближения его к соответствию объекту (в философском значении), то есть к созданию *заместительной модели объекта* – его полного знаниевого заместителя – того, что является полноценным выражением объекта в отличной от его собственной формы, что может достигаться двумя способами: a) за счёт распредмечивания иных имеющихся или же специально моделируемых знаниевых представлений в отношении того же объекта и их последующего сопоставления, расширяющего представление о реальной части предмета; b) за счёт конструирования объекта (в философском значении) с учётом имеющейся основы в форме «материала» исходно полученной базовой онтологической схемы и с учётом необходимости абстрагироваться от каких-либо познавательных искажений (подробнее об этом см.: [Штейн, 2017, с. 9-10], что, впрочем, оказывается возможным только в том случае, когда познаваемым (объектом в философском значении) является деятельность или тот или иной её компонент, то есть по факту – вся культура. Однако необходимо уточнить, что в случае с природными объектами, или же при рассмотрении культуры и деятельности в единстве с физиологической природой человека, такой способ оказывается невозможным – если при познании того, что создано человеком, объект-предметная связка в философском значении преодолевается (по крайней мере, мы придерживаемся этой точки зрения), то есть предмет не задаётся познающим, а сливается с наличествующим объектом, то при переходе к познанию природы и человека как её части, равно как и при утверждении, что человеческую деятельность и культуру нельзя рассматривать вне природы и физиологии, философское несоответствие предмета объекту остаётся.

Дуализм «измерений» познавательной активности человека, раскладываемых на уровни, и вся совокупность актуализируемых нами аспектов познания, в условиях которых и используются термины объект и предмет в методологическом значении, может быть представлена схематически (*рис. 13*).

ISSN 2227-6165

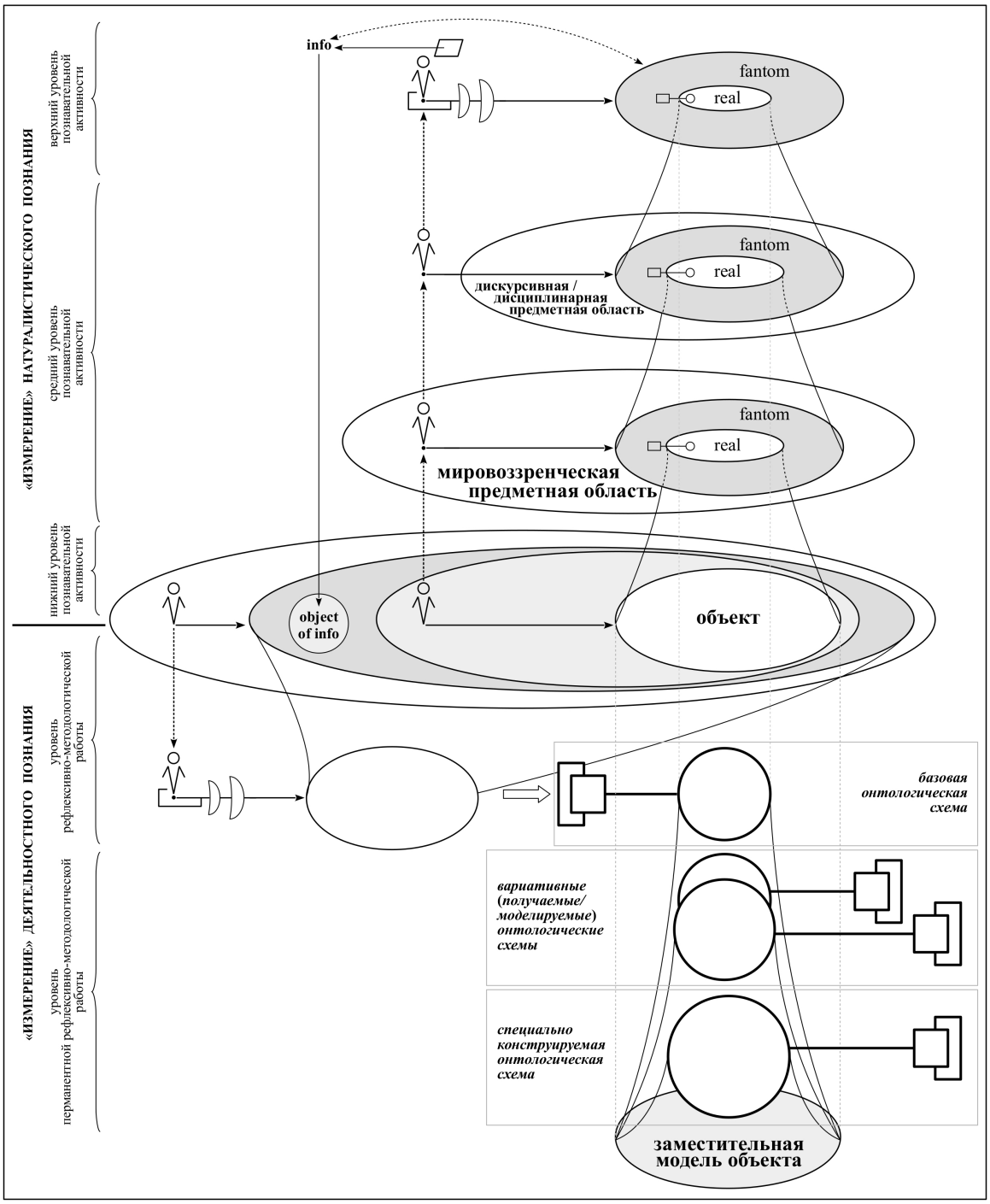

Рис. 13

3. Проблематизация междисциплинарных исследований

Проведя описание объект-предметных отношений в двух принципиально разных значениях и, установив связанные с ними определения объектной и предметной области, мы получили возможность не просто описать специфику междисциплинарных исследований, но и проблематизировать их продуктивность, что оказывается возможным при их рассмотрении из деятельностного «измерения». Эта работа является чрезвычайно необходимой для последующего описания дисциплинарной идентичности искусствоведения, так как именно в междисциплинарности искусствоведами зачастую видится некая исследовательская потенция – перспектива качественного развития, тогда как междисциплинарность (что и будет показано ниже) ведёт ни к чему иному, как к трансформации и даже к уничижению изначально имеющейся дисциплинарной уникальности. Иллюзия продуктивности междисциплинарных исследований как

ISSN 2227-6165

раз и связана с непониманием разбираемых нами терминов, корректное использование которых позволяет достаточно просто и наглядно описывать чрезвычайно сложные вещи.

Для начала необходимо установить, что междисциплинарность не возникает в том случае, когда происходит простой частичный «захлёст» объектной области одной дисциплинарной предметности в отношении части объектной области другой дисциплинарной предметности – ситуация, когда материалом онтологической схемы одной из дисциплинарных предметностей оказывается и то, что находится в её собственной объектной области, и то, что также является частью объектной области какой-то другой дисциплинарной предметности (*рис. 14-a*), равно как и «перехлёст» объектных областей как минимум двух дисциплинарных предметностей – ситуация, когда одно и то же в пересекающихся объектных областях оказывается в качестве материала онтологических схем предметных областей двух дисциплинарных предметностей (*рис. 14-b*), а также тотальный «захлёст» объектной области одной дисциплины объектной областью другой дисциплины (*рис. 14-c*) – всё это случаи рассмотрения одного и того же объективно наличествующего – объектной области на избранном масштабе с различных точек зрения.

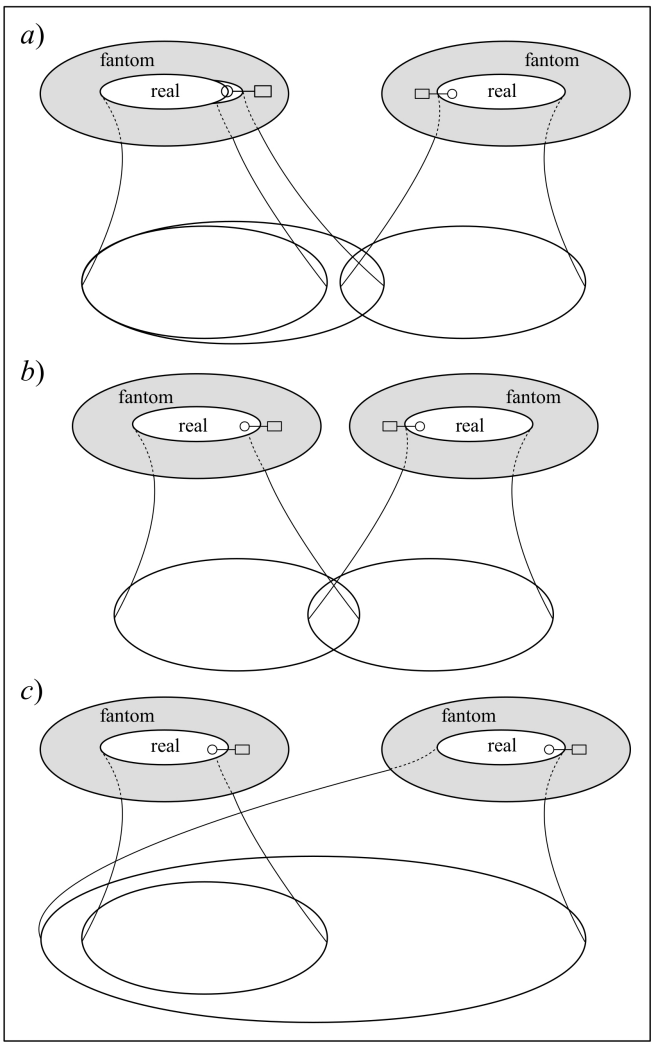

Рис. 14

Междисциплинарностью также не может считаться ситуация взаимосвязи различных дисциплин, основанная на иерархированной соподчинённости одной дисциплины другой, в которой из онтологической схемы предметной области «родительской» дисциплины «вырастают» субдисциплины, полностью сохраняющие её компоненты и структуру, но приобретающие собственную спецификацию, как правило, за счёт конкретизации материала, лежащего в основе её ДНК (*рис. 15*). В этом смысле, например, искусствоведение является «родительской» дисциплиной

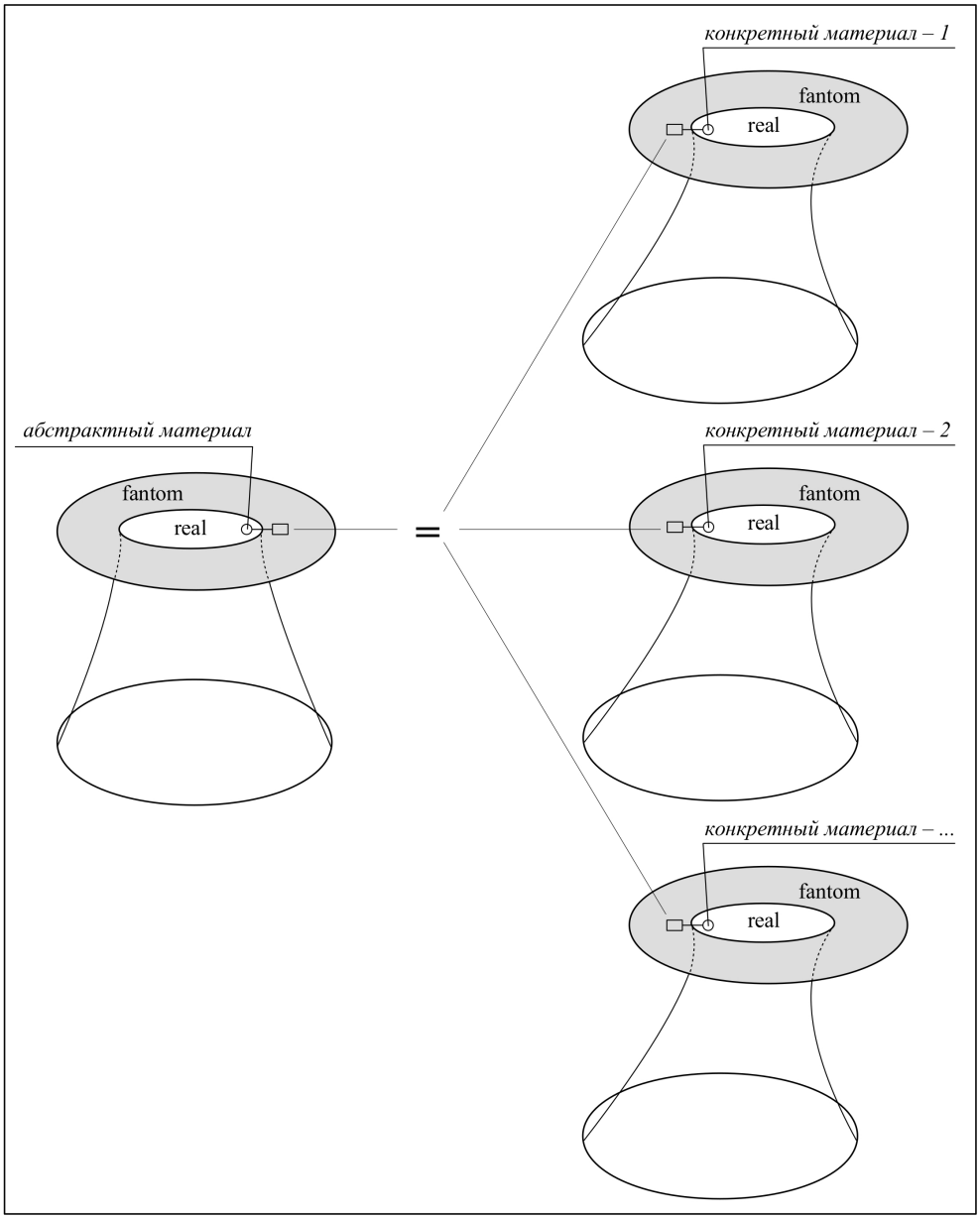

Рис. 15

для музыковедения, театроведения, киноведения и т.д. Однако при этой ситуации возможен и выход той или иной конкретной дисциплины из под «родительской» зависимости, что связано с трансформацией отношения к её собственной предметной области – трансформацией её онтологической схемы (например, для киноведения такой выход связан с определением в качестве познаваемого не только фильмов как специфических форм искусства, а кинематографа как системы деятельности, в которой сами фильмы и их возможная искусствоведческая оценка оказываются частью данной системы, то есть искусствоведческий аспект исследовательской рефлексии заключается в границы предметной области такой дисциплины, и сам оказывается в качестве исследуемого) (подробнее об этом см.: [Логика визуальных репрезентаций..., 2018, с. 282-299]).

Междисциплинарный характер исследования может быть определён только в том случае, если происходит совмещение частей предметных областей или же использование одной дисциплинарной предметностью методологического инструментария иной дисциплины, что, естественно, трансформирует характер онтологической схемы её собственной предметной области (за счёт трансформации той части её ДНК, которая связана с условностями познавательной активности), позволяя определять это как частный междисциплинарный случай.

Можно выделить две основные междисциплинарные ситуации, по отношению к которым все иные могут рассматриваться как частные случаи.

ISSN 2227-6165

ISSN 2227-6165

Первая междисциплинарная ситуация, которую условно допустимо определить как междисциплинарная-генетически связанная с одной из «родительских» дисциплин, может разворачиваться в четырёх разных вариантах[1]:

первый вариант – исследователями, находящимися в дисциплинарной предметности один, реализуется познавательная активность в отношении материала, расположенного в «захлёсте» или же на стыке объектной области их собственной дисциплины и какой-то иной дисциплинарной предметности, с частичным совмещением предметных областей, при том, что знание о предмете продуцируется с использованием традиционных для родительской дисциплины один средств, подходов и методов, и функционально полагается в её знаниевую сетку (*схема 16-a*); проблема данной ситуации заключается в том, что встаёт вопрос о функциональной возможности ведения полноценной познавательной деятельности в отношении частично иного (на уровне онтологической схемы предметной области) исследуемого материала без адаптированного к нему методологического инструментария;

второй вариант – исследователями, находящимися в дисциплинарной предметности один, реализуется познавательная активность в отношении материала, расположенного в «захлёсте» или же на стыке объектной области их собственной дисциплины и какой-то иной дисциплинарной предметности, с частичным совмещением предметных областей, при том, что знание о материале продуцируется с использованием средств, подходов и методов, традиционных для дисциплины два, однако, само знание функционально полагается в знаниевую сетку дисциплины один (*схема 16-b*); проблема данной ситуации заключается в том, что встаёт вопрос о потенциальной негомогенности такого знания общему массиву знания в условиях знаниевой сетки данной дисциплинарной предметности, и как следствие – во-первых, о неопределённости места полученного знания в её структуре, во-вторых, о самой возможности его понимания научным сообществом, образующим данную дисциплину, что, впрочем, может быть преодолено вследствие апроприации изначально чуждых средств, подходов и методов и включения их в традиционный методологический инструментарий данной дисциплины (однако в данном случае, по сути, трансформируется междисциплинарный характер познавательной активности, оказывающийся традиционно дисциплинарным), а, в-третьих, о фактической трансформации онтологической схемы предметной области – её расширении за счёт заимствованного, чего, конечно, в реальности никогда не происходит, так как это требует пересмотра всей дисциплинарной идентичности данной предметности, и поэтому такое знание оказывается или обособлено от иного знания внутри общей знаниевой сетки данной дисциплины, или же вовсе отчуждено;

третий вариант – исследователями, находящимися в дисциплинарной предметности один, реализуется познавательная активность в отношении материала, расположенного в «захлёсте» или же на стыке объектной области их собственной дисциплины и какой-то иной дисциплинарной предметности, при том, что знание о материале продуцируется с использованием средств, подходов и методов, традиционных для дисциплины два, однако, само знание функционально полагается в знаниевую сетку дисциплины один (*схема 16-c*); проблема данной ситуации полностью совпадает с первыми двумя аспектами проблемы из второй ситуации.

четвёртый вариант – исследователями, находящимися в дисциплинарной предметности один, реализуется познавательная активность в отношении материала, расположенного в реальной части соответствующей данной дисциплине предметной области, а получаемое знание функционально полагается в её знаниевую сетку, при том, что знание о предмете продуцируется с использованием средств, подходов и методов, традиционных для иной дисциплины (*схема 16-d*); проблема данной ситуации полностью совпадает с первыми двумя аспектами проблемы из второй ситуации.

[1] В схематических построениях используются следующие условные обозначения: ОО – объектная область, ДП – дисциплинарная предметность, с – средства, м – методы, п – подходы, м«к» – методологические конструкторы (набор методов, адаптированный к специфике конкретного материала и/или решению конкретных исследовательских задач).

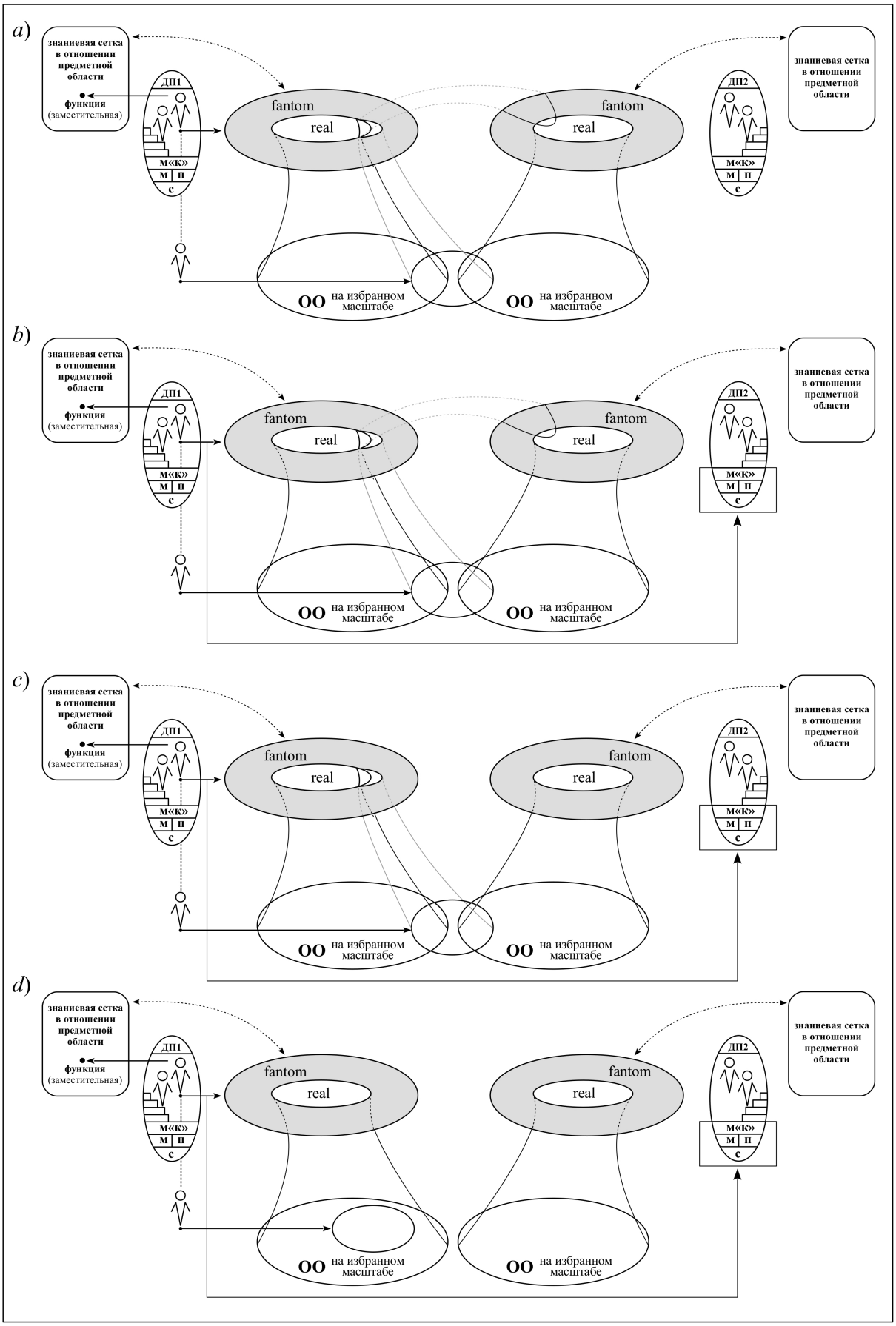

Рис. 16

ISSN 2227-6165

ISSN 2227-6165

Вторая междисциплинарная ситуация, которой условно можно дать название междисциплинарная-обособляющаяся от «родительских» дисциплин, заключается в том, что исследователями, находящимися вне той или иной дисциплинарной предметности или же условно дистанцирующимися от конкретной дисциплины, в которую они изначально были включены, реализуется познавательная активность в отношении материала, расположенного на стыке объектных областей двух разных дисциплинарных предметностей, или же вовсе вне их, но с частичным заимствованием предметных областей обеих этих дисциплин, при том, что продуцируемое знание полагается вне существующих в этих двух дисциплинах знаниевых сеток, что при определённых условиях приводит к формированию новой дисциплинарной предметности со своей уникальной предметной областью, соответствующей ей знаниевой «сетки» и дисциплинарным сообществом (*рис. 17*).

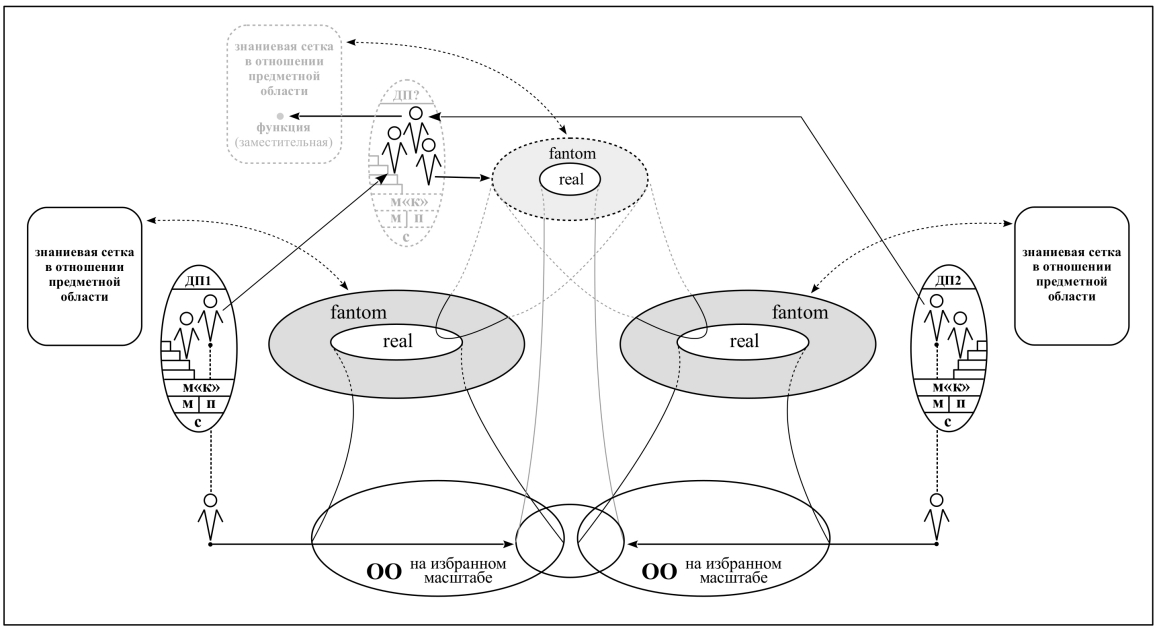

Рис. 17

В качестве междисциплинарной ситуации не может рассматриваться случай, когда происходит сращивание двух (как минимум) изначально обособленных дисциплинарных предметностей в одну новую дисциплинарную предметность, так как по сути с возникновением онтологической схемы новой предметной области уничижаются имеющиеся онтологические схемы наличествующих предметных областей, то есть исчезают существовавшие дисциплинарные предметности – для них, для их идентичности, этот процесс не является продуктивным, поэтому тут скорее надо констатировать наличие не междисциплинарной ситуации, а ситуации дисциплинарного проектирования и конструирования.

4. Дисциплинарная идентичность искусствоведения

Любая гуманитарная дисциплина, формируемая в условиях натуралистического подхода к познанию, в связи с отсутствием единой формы рациональности, на основе которой могло бы строиться знание в отношении познаваемого, только условно – в отсутствии иного, может считаться полноценной дисциплиной, по сути же – являясь специфическим иерархированным дискурсом, апроприирующим функцию социальной ответственности за продуцируемое им знание, который при самом общем масштабе рассмотрения почти всегда вариативен за счёт приобретения характерных черт, обуславливаемых теми или иными конкретными национальными/языковыми и социальными/социокультурными условностями, в которых он развёртывается. Это в полной мере касается и наличествующего искусствоведения. Однако на настоящий момент иного искусствоведения просто-напросто нет (правда, оно вполне может быть сформировано – очевидны

основанные на деятельностном подходе к познанию механизмы его формирования – см., например: [Штейн, 2017; Штейн, 2018]). Поэтому здесь мы остановимся на том искусствоведении, которое есть (будем называть его условно дисциплинарным) и сделаем ряд ключевых методологических замечаний к определению его наличествующей дисциплинарной идентичности.

Имея уже сконструированную ранее онтологическую схему предметной области условно дисциплинарного искусствоведения, состоящую из трёх основных элементов: деятельности один (Д-1), «продуктом которой является сенсорновоспринимаемая форма [СВФ], заключаемая в одном варианте реализации данной деятельности в устоявшийся продуктивный контейнер, а во втором – в неустоявшийся продуктивный контейнер», деятельности два (Д-2), «в которой продукт первой деятельности выполняет определённую функцию», и, наконец, деятельности три (Д-3), «для которой продукт первой деятельности является исходным материалом, оказывающимся таковым или вследствие обращения к нему или же в результате его собственной актуализации, и в отношении которого реализуется одно из двух или же сразу два принципиальных действия – маркирование термином “искусство” и координирование по отношению к иным формам, которые уже имеют маркирование термином “искусство”, продуктом чего является маркированная и/или скоординированная (помещённая в определённую “систему координат”) сенсорновоспринимаемая форма» [Штейн, 2017, с. 10-14], мы можем определить, что «материалу» ДНК онтологической схемы в ней соответствуют деятельности один и два (в большей степени, конечно, деятельность один, так как деятельность два в искусствоведческих исследованиях может вообще не учитываться), а «условности познавательной активности» и «основному условию связи» – деятельность три (*рис. 18*).

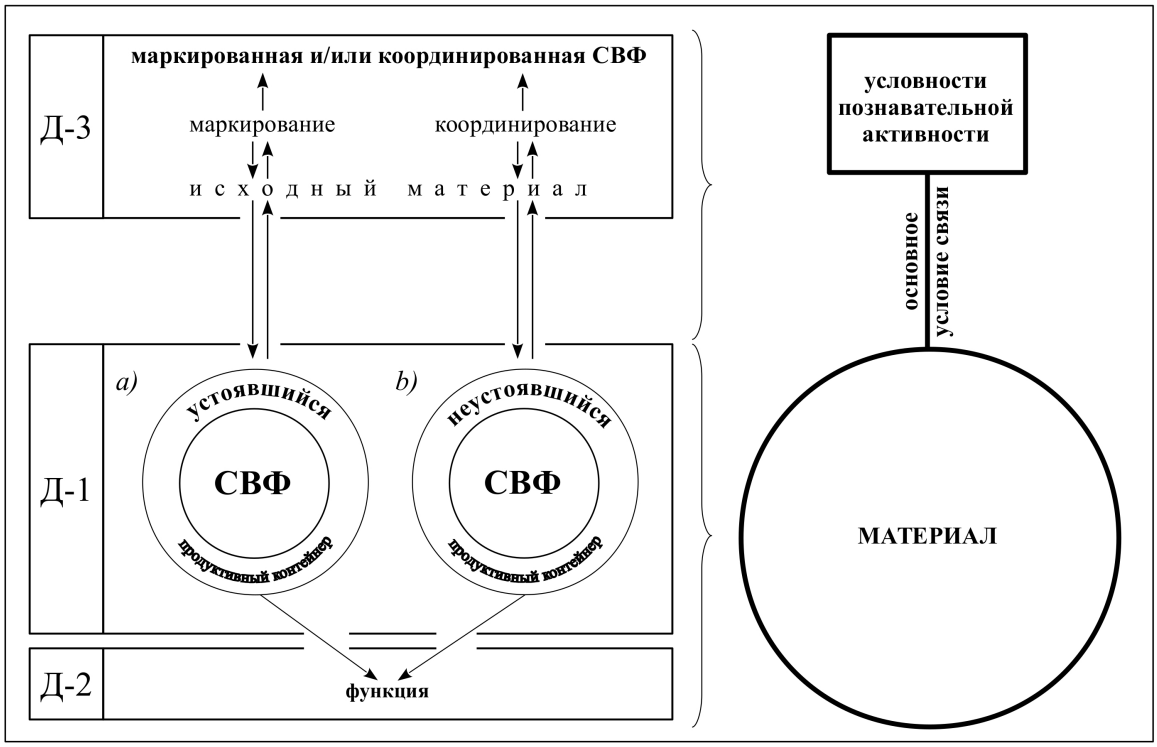

Рис. 18

Таким образом, в искусствоведении с такой онтологической схемой предметной области *объектом в философском значении будет фактологический материал*: различные по характеру формы (плоскостные изобразительные, скульптурные, архитектурные, иные), а также деятельность по их созданию. А *предметом в философском значении* – выделенный фактологический материал, интерпретируемый как искусство, а деятельность – как творческая.

ISSN 2227-6165

ISSN 2227-6165

Из этого следует, что предметная область такого искусствоведения (то есть то, что принимается искусствоведами как непроблематизируемая данность) состоит из различных форм искусства. А так как объект-предмет в методологическом значении – то, что полагается в предметной области, то *предмет исследования искусствоведа* – это исключительно искусство, искусство как непроблематизируемый факт. Если же мы поставим этот факт под сомнение, то мы, либо выйдем за границы искусствоведения, либо, пытаясь оставаться в нём, подвергнем трансформации ключевое условие существования его дисциплинарной идентичности, то есть по сути начнём утверждать основания какой-то иной дисциплинарной идентичности, что, впрочем, как и в первом случае окажется выходом за исходные границы искусствоведения.

Всё это может показаться банальностью, но на её основании мы можем сделать раскладываемое на фазы одно важное построение, которое на самом общем масштабе будет представлять ту ситуацию, в которой находится рассматриваемое нами здесь искусствоведение.

Первая фаза построения связана с тем, что может быть определено как начальное – «ньютоновское» состояние научной дисциплины (данное построение скорее всего является унифицированным для любой гуманитарной дисциплины): существует некая объектная область на избранном масштабе, которая является реальной частью предметной области конкретной дисциплины, которая в свою очередь раскладывается на два уровня – уровень онтологической схемы, на котором, собственно, и фиксируется исходное деление предметной области на реальное и фантомное, и уровень «ньютоновского» состояния дисциплины, на котором реальному соответствует предметная область уровня онтологической схемы, а фантомное как раз и обуславливается спецификой магистральной исследовательской рефлексии в рамках исходных условностей познавательной активности, с возникновением и развёртыванием которой и связано образование данной дисциплинарной предметности (в нашем случае – «ньютоновского» искусствоведения) (*рис. 19-а*).

Рис. 19-а

ISSN 2227-6165

Вторая фаза связана с возникновением проблемной ситуации, обусловленной тем, что исходная для рассматриваемой дисциплинарной предметности объектная область расширяется, но в реальной части предметной области на уровне онтологической схемы остаётся вся та же исходная объектная область, то есть по сути «ньютоновской» дисциплиной игнорируются происходящие процессы, связанные с объективно наличествующим (*рис. 19-b*).

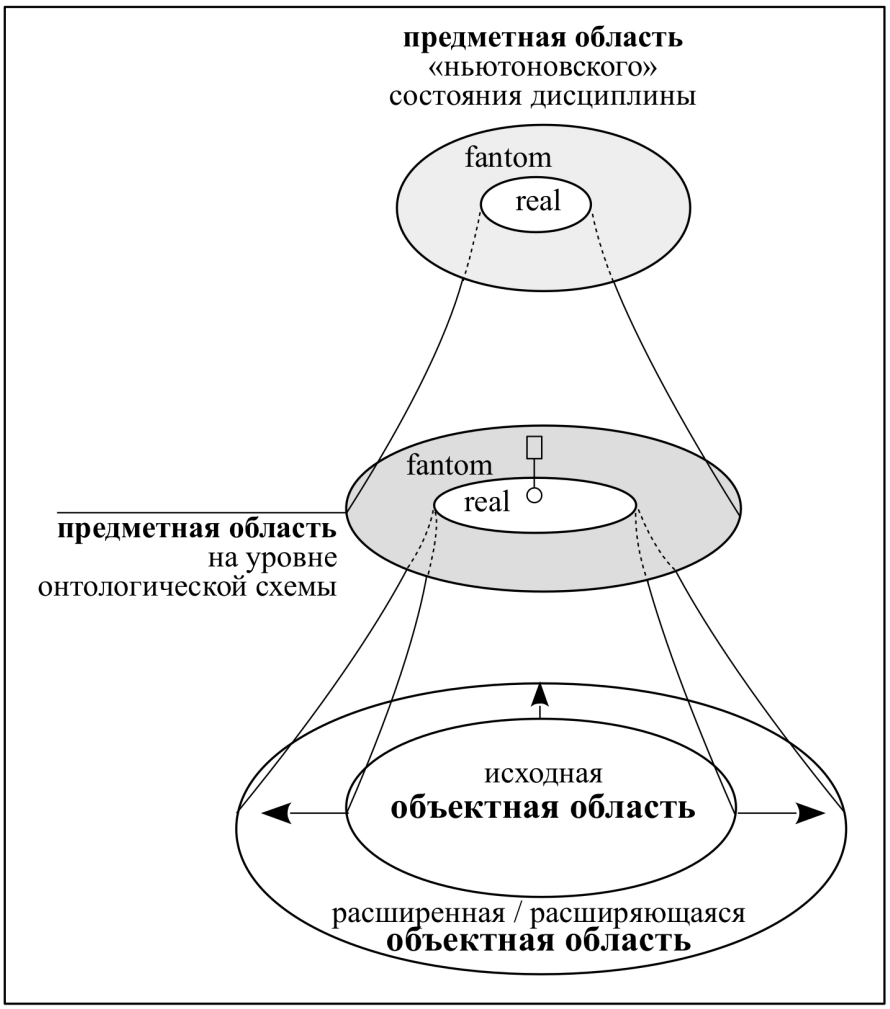

Рис. 19-b

В третьей фазе построения фиксируется ситуация возникновения параллельного «ньютоновскому» – «модернистского» состояния дисциплины, в условиях которого расширенная или же продолжающаяся расширяться объектная область включается в реальную часть предметной области на уровне онтологической схемы, что, однако, на построении мы не можем показать через разность их предметных областей на уровне онтологической схемы, так как в этом случае мы должны будем констатировать возникновение принципиально иной дисциплинарной предметности, тогда как тут речь идёт о другом: просто-напросто расширяется специфика возможного материала, в отношении которого может реализоваться познавательная активность в условиях одного и того же дисциплинарного единства – одной частью избирается принципиально один материал, другой – принципиально другой, но онтологическая схема предметной области при этом не меняется (в случае с искусствоведением это связано с тем, что традиционные для «ньютоновского» искусствоведения формы искусства – картины, скульптуры, архитектурные формы, расширяются за счёт фотографии, коллажа, реди-мейда и т.п. – всего того, что затем и вынудило нас ранее разместить в онтологической схеме предметной области искусствоведения в качестве продукта деятельности один сенсорновоспринимаемую форму – потенциально всё, что угодно из того, что может произвести человек). В то же время мы можем зафиксировать, что реальное и фантомное предметных областей «ньютоновского» и «модернистского» состояния

ISSN 2227-6165

дисциплины не соответствует друг другу, что, собственно, и выражает в нашем построении их принципиальную разность: реальная часть предметных областей не соответствует друг другу за счёт разности материала в реальном на уровне онтологической схемы, а фантомная часть – во-первых, и это главное, из-за того, что «модернистским» игнорируется какая-то (возможно даже, что и большая) часть фантомного предметной области уровня онтологической схемы, то есть всё то, что изначально и формирует «ньютоновское» состояние дисциплины (данной дисциплины как таковой!) и затем тотально обуславливает специфику исследований в её условиях, а, во-вторых, из-за разности исследовательской рефлексии, адаптирующейся к специфике своего материала (в искусствоведении это выражается в том, что всё лежащее в фантомной части предметной области на уровне онтологической схемы и обуславливающее специфику «ньютоновского» искусствоведения – понятие стиль, эстетические категории, применяемые к оценке произведения, принцип авторства и т.п., «модернистским» искусствоведением практически не используется и формируется нечто принципиально иное – например, возможность ситуации произведения без произведения, принцип отсутствия авторства и т.п., что «ньютоновским» искусствоведением просто-напросто не может быть использовано). Впрочем, так же как и их характер – стагнированный (stagn.), то есть устоявшийся и принципиально не изменяющийся, для предметной области «ньютоновского» состояния и трансформирующийся (transf.), находящийся в ситуации постоянной изменчивости – для «модернистского» состояния дисциплины. И тут же надо отметить, что и «ньютоновские», и «модернистские» исследователи, пытаясь абстрагироваться от фантомного их предметных областей, могут «нисходить» до предметной области дисциплины на уровне онтологической схемы, которая в таком качестве оказывается для них предметной областью «квантовых» исследований, но при этом эти области никогда не сливаются – предметная область «квантовых» исследований всегда находится чуть «выше» предметной области онтологической схемы, работа с которой возможна только из рефлексивной позиции или же при переходе к деятельностному подходу к познанию, тогда как предметная область «квантовых» исследований – это предельный уровень объективации исследуемого в условиях наличествующей онтологической схемы для всех возможных вариантов состояния, основывающейся на ней дисциплины (*рис. 19-с*).

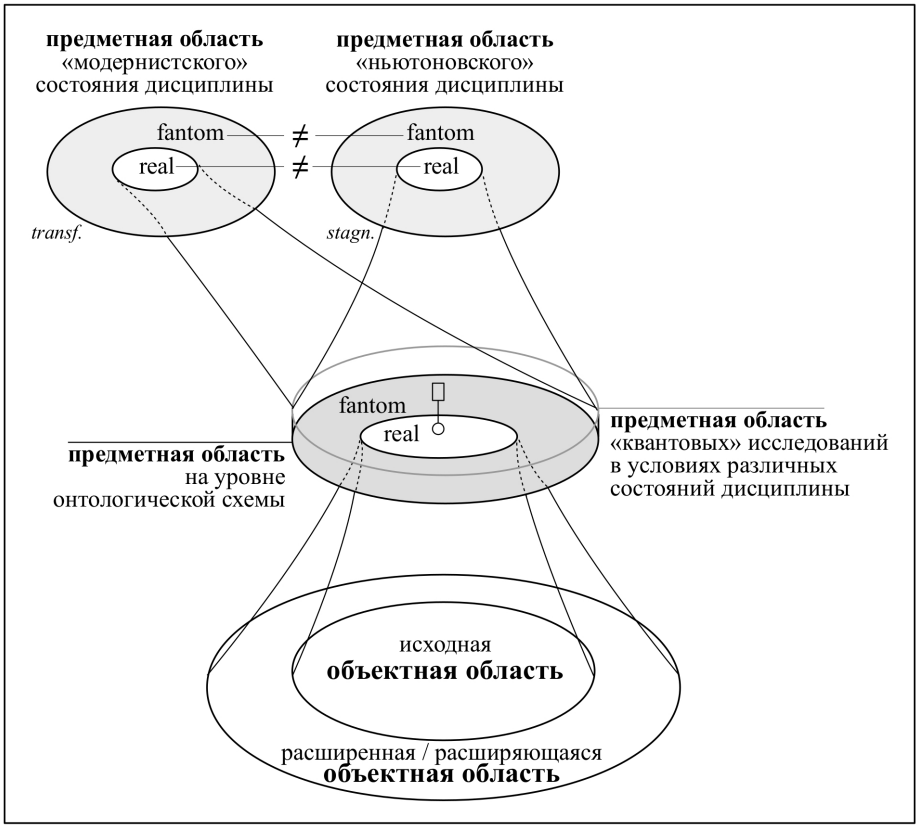

Рис. 19-с

ISSN 2227-6165

Заключительной фазой реализуемого построения является фиксация возникновения ещё одного – третьего принципиального состояния дисциплины – «эйнштейновского», в условиях которого, при осознании существующей вариативности имеющихся точек зрения, их относительности, что и выражается наличием «ньютоновского» и «модернистского» состояний, происходит попытка выработки неких общих для данной дисциплины «правил игры» – оснований для познавательной активности, которые либо были бы едины в отношении любого материала, находящегося в реальной части предметной области на уровне онтологической схемы, либо каким-то образом примиряли бы между собой существующие вариативные познавательные позиции (в искусствоведении «эйнштейновский» уровень пока ещё не очень развит, так как, кроме методологических оснований, требует некой внутренней толерантности по отношению к имеющимся различным точкам зрения – проявление же такого отношения ведёт к потери искусствоведом своей исследовательской идентичности, формируемой устоявшимися познавательными направлениями). Так же как и между реальным и фантомным предметных областей «ньютоновского» и «модернистского» состояния дисциплины определяется не соответствие друг другу, такое же несоответствие фиксируется между ними и реальным и фантомным предметной области «эйнштейновского» состояния дисциплины (*рис. 19-d*).

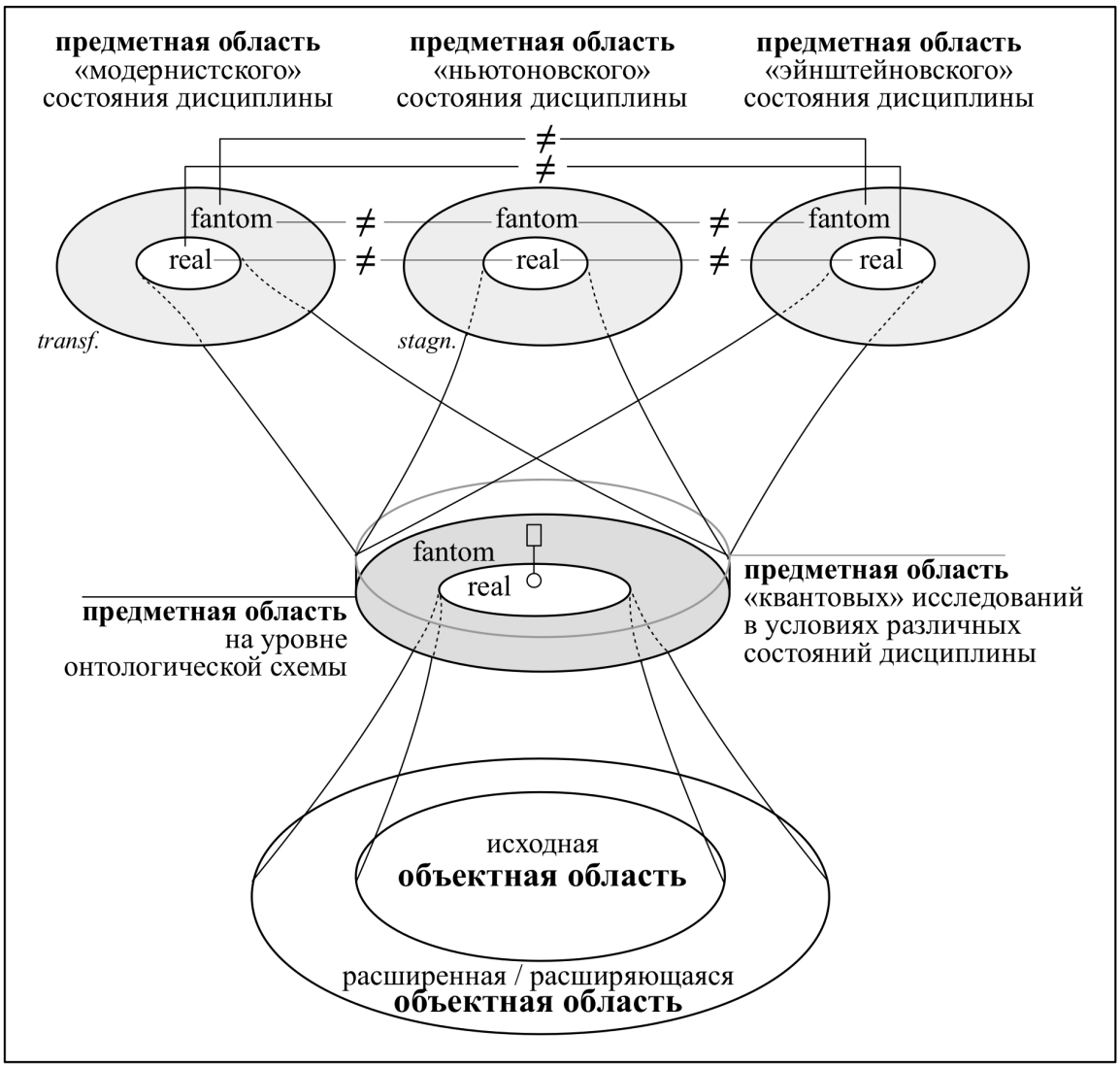

Рис. 19-d

Полученное построение может быть сколь угодно подробно разобрано и конкретизировано с учётом специфики искусствоведения, но это уже не столько наша задача, сколько историков самого искусствоведения (по сути это может стать целым отдельным занимательным исследованием

ISSN 2227-6165

монографического масштаба). Здесь же для нас было важно зафиксировать основные аспекты того, что определяет ту познавательную ситуацию, в которой оказывается современный исследователь-искусствовед и, что является основой того, что было определено нами как условно дисциплинарное искусствоведение.

В начале нашей работы, избрав в качестве магистрального – генетически-конструктивный подход, мы оказались не связанными необходимостью при разговоре об объект-предметных отношениях описывать перипетии того, что было написано по этому поводу до настоящего времени. Что на самом деле и было бы, наверное, и невозможно сделать, так как, если, используя полученные нами результаты, мы посмотрим на саму связку «объект-предмет» как на то, что является предметом в методологическом значении, то окажется, что «объект-предмет» для философии как специфической дисциплинарной предметности – это то, что даже не лежит в соответствующей ей объектной области, а находится в качестве компонента в фантомной части её предметной области, то есть является не реально наличествующим, а задаваемым спецификой познавательной активности данной дисциплины. В то же время в методологии как дисциплине о принципах нормирования деятельности, «объект-предмет» – это компонент деятельности, находящейся в объектной области и при переходе в предметную область, оказывающейся в её реальной части (*рис. 20*), то есть то, что принципиально познаваемо и затем объектно выражаемо в качестве его модели.

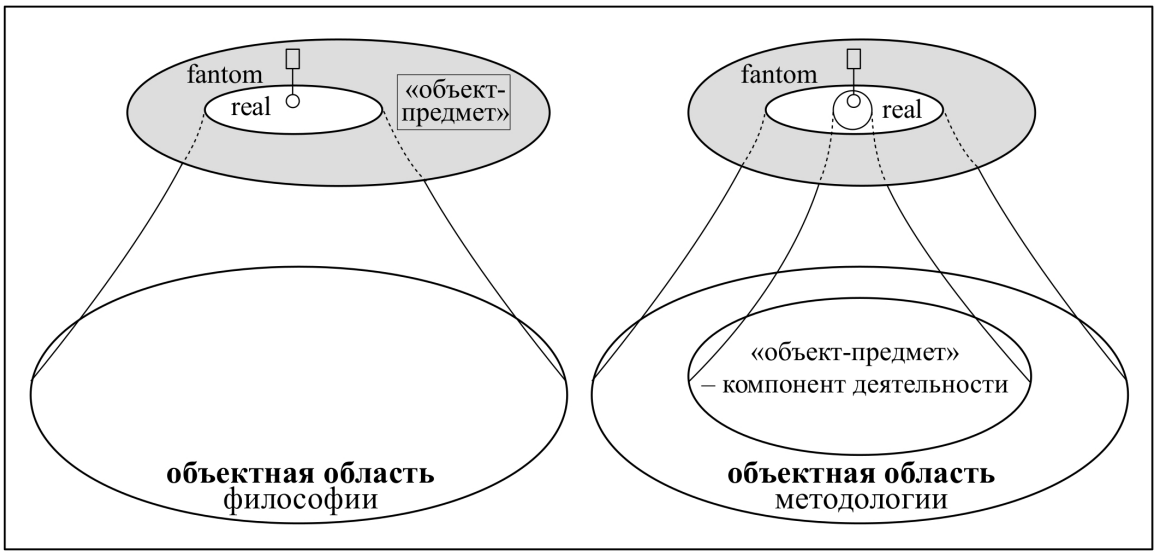

Рис. 20

Начатый разговор о казалось бы самом простом и общем – объект-предметных отношениях в философском и методологическом значениях, привёл нас к возможности зафиксировать то состояние дисциплинарной идентичности наличествующего – условно дисциплинарного искусствоведения, которое, с одной стороны, обуславливает, а, с другой, – объясняет, все те исследовательские процессы и хитросплетения познавательной активности, которые реализуются в условиях искусствоведения как специфического дискурса. Понимание всего этого даёт самую общую картину специфики познавательной деятельности в условиях искусствоведения, самим же искусствоведам – позволяет трезво, как бы со стороны, взглянуть на своё место в избранной дисциплине и, при необходимости – проблематизировать наличествующее, для тех же, кто ещё только готовится стать искусствоведом – быть свободными в выборе своего места в этом специфическом единстве, в котором им самим потенциально придётся когда-то реализовывать познавательную активность...

ISSN 2227-6165

ЛИТЕРАТУРА

1. Логика визуальных репрезентаций в искусстве: от иконописного пространства и архитектуры к экранному образу / *В.Д. Чёрный, А.В. Марков, В.А. Колотаев, И.А. Добрицына, С.Ю. Штейн.* – Москва: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2018.
2. *Штейн С.Ю.* Перманентная рефлексивно-методологическая работа в условиях искусствоведения // Артикульт. 2017. 26(2). С. 6-26. DOI: 10.28995/2227-6165-2017-2-6-26
3. *Штейн С.Ю.* Средство выражения теории искусства // Артикульт. 2018. 29(1). С. 6-19. DOI: 10.28995/2227-6165-2018-1-6-19
4. *Щедровицкий Г.П., Дубровский В.Я.* Научное исследование в системе «методологической работы» // Проблемы исследования структуры науки. Новосибирск, б/и, 1967. – С. 105-115.
5. *Щедровицкий Г.П.* Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодеятельностного подходов // *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. – Москва, Шк.Культ.Полит., 1995. – С. 143-154.
6. *Щедровицкий Г.П.* О специфических характеристиках логико-методологического исследования науки // *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. – Москва, Шк.Культ.Полит., 1995. – С. 350-359.
7. *Щедровицкий Г.П.* Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. – Москва, Шк.Культ.Полит., 1995. – С. 88-114.

REFERENCES

1. *Logika vizual'nyh reprezentacij v iskusstve: ot ikonopisnogo prostranstva i arhitektury k jekrannomu obrazu* [Logic of visual representations in art: from icon-painting space and architecture to screen image]. V.D. Chjornyj, A.V. Markov, V.A. Kolotaev, I.A. Dobricyna, S.Yu. Schtein. Moscow, Izdatel'stvo Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 2018.
2. Schtein S.Y. *Permanentnaya refleksivno-metodologicheskaya rabota v usloviyah iskusstvovedeniya* [Permanent reflexive-methodological work in the conditions of art studies]. In *Articult*. 2017. №26(2). Pp. 6-26. DOI: 10.28995/2227-6165-2017-2-6-26
3. Shchedrovitsky G.P., Dubrovskij V.Ja. *Nauchnoe issledovanie v sisteme «metodologicheskoj raboty»* [Scientific research in the system of “methodological work”]. In *Problemy issledovanija struktury nauki* [Problems of research of the structure of science]. Novosibirsk, b/i, 1967. Pp. 105-115.
4. Shchedrovitsky G.P. *Metodologicheskij smysl oppozicii naturalisticheskogo i sistemodejatel'nostnogo podhodov* [The methodological meaning of the opposition of the naturalistic and the activity-system approaches]. In Shchedrovitsky G.P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Shk.Kul't.Polit., 1995. Pp. 143-154.
5. Shchedrovitsky G.P. *O specificheskih harakteristikah logiko-metodologicheskogo issledovanija nauki* [On specific characteristics of the logico-methodological study of science]. In Shchedrovitsky G.P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Shk.Kul't.Polit., 1995. Pp. 350-359.
6. Shchedrovitsky G.P. *Principy i obshhaja shema metodologicheskoj organizacii sistemno-strukturnyh issledovanij i razrabotok* [The principles and the general scheme of the methodological organization of system-structural research and development]. In Shchedrovitsky G.P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Shk.Kul't.Polit., 1995. Pp. 88-114.